

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-154-162

© М. В. Ефимов, © Л. А. Димитриева

ОБ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ РЕЦЕНЗИИ Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО НА КНИГУ И. ЗДАНЕВИЧА

Литературно-критическое творчество кн. Д. П. Святополк-Мирского последних лет его эмиграции по-прежнему остается малоизученным. Рубеж 1920–1930-х годов ознаменовался для Святополк-Мирского решительным поворотом как в сфере идейной (принятие СССР и марксистской идеологии¹), так и в сфере профессиональной (от истории литературы и литературной критики — к общей и политической истории и идеологизированной публицистике²).

На этом фоне рецензия Святополк-Мирского на роман И. Зданевича (Ильязда) «Восхищение»³ представляет особый интерес. Рецензия была опубликована в декабре 1931 года в одном из самых авторитетных французских литературных журналов «La Nouvelle Revue Française».⁴ Ранее, в сентябре того же года, Святополк-Мирский опубликовал в этом журнале статью «L'histoire d'une émancipation» («История одного освобождения»),⁵ в которой декларировал разрыв со своим дореволюционным и «белогвардейским» прошлым и эмигрантской средой.⁶

Рецензия на «Восхищение» Зданевича стала одним из последних высказываний Святополк-Мирского о современной русской литературе, сделанных им на Западе.⁷ Корректно соотнести его с хронологически близкими высказываниями критика. В статьях, опубликованных в газете «Евразия» в конце 1920-х годов, Святополк-Мирский создает своеобразный парный портрет литературы русского зарубежья и литературы Советской России. Основополагающий тезис критика: то, что литература эмиграции «менее значительна, чем одновременная продукция советских писателей, — очевидный факт, который не оспаривается никем (кроме разве великих писателей самой эмиграции)».⁸ В самой же советской России на смену господству попутчиков приходит пролетарский роман. Святополк-Мирский откровенно признает художественную беспомощность этой литературы, но полагает, что «в общем контек-

¹ См.: Ефимов М. В. Д. П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 3: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 39–52.

² См.: Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / Публ. М. В. Ефимова и О. А. Коростелева; пер. с англ. и вступ. статья М. В. Ефимова; прим. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015 / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М., 2015. С. 331.

³ Ильязд. Восхищение: Роман. Париж: 41°, 1930. Переизд.: Зданевич Илья (Ильязд). Восхищение / Reprinted from the edition of 1930 with an Introduction by E. K. Beaujour. Berkeley, 1983 (Berkeley Slavic Specialties); Ильязд (Илья Зданевич). Собр. соч.: В 5 т. М.; Дюссельдорф, 1995. Т. 2.

⁴ Mirski D. S. Voskhichtchenie (Ravisement), par Iliazd (Paris, 1930) // La Nouvelle Revue Française. 1931. Vol. 37. № 219. P. 962–963.

⁵ Mirsky D. S. L'histoire d'une émancipation // Ibid. № 216. P. 384–397.

⁶ См.: Ефимов М. В. О гниении культурного тела и спасительной ампутации: Д. П. Святополк-Мирский и русская революция 1917 года // Русская литература. 2017. № 3. С. 142–143.

⁷ Точнее — предпоследним. Последним является статья «Der Russische Historische Roman der Gegenwart» (Slavische Rundschau. 1932. Vol. 4. P. 10–17). См. рус. пер.: Святополк-Мирский Д. П. Статьи и рецензии в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932) / Пер. с нем. Т. В. Марченко; подг. текста и комм. М. В. Ефимова, Т. В. Марченко; вступ. статья М. В. Ефимова // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 119–127.

⁸ Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. статья В. В. Перхина. СПб., 2002. С. 148 (сер. «Русское зарубежье»). Впервые: Святополк-Мирский Д. Заметки об эмигрантской литературе // Евразия. 1929. 5 янв. № 7. С. 6–7.

сте неизмеримо важнее их (произведений пролетарских писателей. — М. Е., Л. Д.) общественное, воспитательное и показательное значение, делающее, например, „Цемент“ событием советской жизни и культурно-историческим памятником большого значения». ⁹ В 1930 году критик писал: «...можно утверждать, что художественное творчество, являясь результатом внутренней травмы, ценно прямо пропорционально количеству социальной энергии, не находящей себе приложение в действии. Чем адекватнее возможность действия для наличной энергии, тем больше этой энергии вкладывается в прямое социальное действие и тем меньшему количеству приходится удовлетворяться „целесообразностью без цели“. Главная причина скудости пролетарской литературы СССР — поглощение всех лучших пролетарских сил непосредственной работой социалистического строительства». ¹⁰ В 1929 году Святополк-Мирский будет настаивать: «...мы освободились от эстетизма и „словесности“ и заменили эстетический подход этическим (вернее, проводим знак равенства между эстетикой и этикой, рассматривая первую как более общую, как бы «не-евклидовскую», форму второй)». ¹¹

Уравнивание эстетики с идеологически-ориентированной этикой не в состоянии, однако, отменить факта, который сам критик вынужден признать еще в 1928 году: «Пролетарская литература может стать воспитательной средой для творческой литературы будущего, но пока искусство революции — это Бабель, Маяковский, Пастернак, корни которых в дореволюционной культуре». ¹²

При этом очевидна двойственность позиции критика: декларируя, что «литература не может жить без идеологического творчества», ¹³ и настаивая на исторической целесообразности и неизбежности гибели дореволюционного эстетизма, Святополк-Мирский одновременно исключительно чутко к литературе как изящной словесности, к художественному слову. ¹⁴

Самоубийство Маяковского в 1930 году, сколько можно судить, потрясло Святополк-Мирского, однако в последующем развернутом высказывании, статье «Две смерти: 1837–1930», он все же находит рационализирующее объяснение гибели поэта: «Самоубийство было актом индивидуалиста и одновременно расправой над индивидуализмом. До-пролетарскую литературу оно похоронило навсегда. Но героем и предтечей будущего оно его сделать не могло. <...> Маяковского (смерть. — М. Е., Л. Д.)

⁹ Святополк-Мирский Д. Заметки о пролетарской литературе // Там же. 1928. 22 дек. № 5. С. 7.

¹⁰ Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris: Mouton, 1975. С. 47 (De proprietatibus litterarum / Edenda curat С. Н. van Schooneveld, Indiana University; Series Practica, 70). Этот тезис продолжает утверждение Святополк-Мирского в его книге «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926): «Было бы ошибкой считать, что в условиях свободы литература и искусство обязательно переживают расцвет, которого не бывает при деспотизме. Чаще происходит обратное. Когда всякая иная деятельность затруднена, именно в литературу и искусство устремляются все, кто ищет возможность выразить себя в умственном труде. Литература, как и все остальное, требует времени и сил, и когда нетрудно найти интересное занятие в другой сфере деятельности, не столь уж многие могут отдавать свое время музам. Когда внезапно открываются новые области умственного труда, как это случилось в России в шестидесятые годы (XIX века. — М. Е., Л. Д.), условия становятся особенно неблагоприятными для развития литературы как искусства. Когда же эти области закрываются снова, то духовные безработные снова идут в литературу» (Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зернова. Новосибирск, 2007. С. 461).

¹¹ Святополк-Мирский Д. Чехов. 1904–1929 // Евразия. 1929. 13 июля. № 31. С. 5–6. Опубликовано: Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. by G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. P. 298–302 (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; vol. 13).

¹² Святополк-Мирский Д. Заметки о пролетарской литературе. С. 7.

¹³ Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. С. 43.

¹⁴ Отметим также, что Святополк-Мирский находился во взаимно-приятельной переписке с Б. Л. Пастернаком, встречался в Париже с И. А. Бабелем и Маяковским (о встрече критика с Маяковским см.: Там же. С. 44). Произведения Пастернака и Бабеля печатались в журнале «Версты», редактируемом Святополк-Мирским.

только отметила как сильнейшего из старых, сделавшего все, что в его власти, чтобы войти в новое, но не сумевшего войти».¹⁵

Принципиально важно, что ЛЕФ критик трактует как рефлекс дореволюционного индивидуализма, осужденный, таким образом, на неизбежную гибель: «Несмотря на все попытки оторваться от традиции, несмотря на попытку коренного пересмотра самой функции литературы и искусства литературный (и художественный) Леф оказался бессилем этим оживить унаследованные от прошлого искусства. Слишком долго и слишком глубоко самая ткань их разъедалась индивидуализмом, чтобы несвязанная с машиной техника могла одна, без новой классовой крови, переродить их».¹⁶

Обращает на себя внимание, что в ориентированной на русского читателя статье о гибели Маяковского Святополк-Мирский лишь единожды упоминает футуризм — и, что показательно, в примечании, говоря о «великом мифотворце Хлебникове», «патриархе футуризма».¹⁷ Иная стратегия предложена критиком в англоязычном некрологе Маяковского,¹⁸ где дореволюционный футуризм Маяковского получает отчетливо комплиментарную оценку: «Сначала футуристы не имели ничего кроме довольно шумного *succès de scandale* (скандального успеха. — М. Е., Л. Д.), а их конечное влияние на русскую поэзию было непредсказуемым. Их всех объединяло стремление реформировать поэтический язык, освободить его от избитых романтических клише и сблизить поэзию с реальной жизнью эпохи. Маяковский особенно ярко воплощал материалистический и модернистский аспекты этого движения и его протест против спиритуализма и мистицизма предшествовавшего литературного поколения».¹⁹

Написанная для французского читателя рецензия на роман Ильязда «Восхищение» ориентирована аналогичным образом: «Ильязд принадлежит к тому замечательному литературному поколению, вождем которого был Маяковский. Это футурист с самого момента зарождения русского футуризма». При этом критик уклончив в объяснении, каково современное положение русского футуризма в России: «В СССР, где литературное движение вот уже несколько лет как отделилось от того, чем дорожило поколение футуристов, книга, само собой, остается неизвестной».²⁰ Святополк-Мирский тут же констатирует «поразительный упадок русской художественной прозы», имея в виду советский роман (и даже не упоминая современной русской поэзии), и сравнивает русскую прозу — и не в ее пользу — с... «чеканным и восхитительно точным языком Сталина». Это последнее высказывание уместно соотносить с тезисом Святополк-Мирского в его англоязычной книге о Ленине (1930): в ней утверждалось, что сочинения Ленина «наряду с Толстым являются наиболее адекватной прозой на (русском. — М. Е., Л. Д.) языке».²¹ Таким образом, если в 1930 году критик довольствовался сравнением Ленина с Толстым, то в 1932 году у «писателя Сталина» конкурентов уже не было.²²

При этом рецензия критика на роман Зданевича в высшей степени комплиментарна и лишена — за исключением пассажа о Сталине — идеологических или литературно-социологических коннотаций. Более того, рецензия представляет собой редкий пример безоговорочного одобрения Святополк-Мирским рецензируемого произведения. По сути, именно в прозе Зданевича, «бескомпромиссного представителя наиболее

¹⁵ Там же. С. 47–48.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ *Mirsky D. S. Vladimir Mayakovsky (1893 — 14 April, 1930) // The Slavonic and East European Review. 1930. Vol. 9. June. № 25. P. 220–222.*

¹⁹ *Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия. С. 150–151.*

²⁰ Из этого утверждения следует, что Святополк-Мирский не знал о попытках Зданевича издать книгу в СССР (см. далее).

²¹ *Mirsky D. S. Lenin (Makers of the Modern Age). Boston: Little, Brown & Co., 1931. P. 27.*

²² По эпистолярному свидетельству самого Святополк-Мирского, в 1929 году в его лондонском жилье были «водворены в качестве единственных украшений Карта Мира (изд. Моск-овского) Рабочего» и портрет Сталина — смотрит на нее» (*Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 137.*)

эзотеричного футуризма», критик видит пример преодоления того кризиса русской прозы, о котором он неоднократно высказывался в предшествующие годы.

В рецензии, ориентированной на французского читателя, Зданевич предстает отшельником, верным футуризму и в эмиграции. Между тем, хотя Зданевич действительно был первым популяризатором итальянского футуризма в России, его отношения с русским футуризмом можно охарактеризовать как по меньшей мере неоднозначные. Являясь частью «лишь небольшого объединения левого фланга литературы» (в разное время это были лучисты, всеки, группа «41°»), Зданевич открыто противостоял «гилейцам» и соперничал с Маяковским. Однако в эмиграции, в рамках работы университета «41°», Зданевич в 1921–1923 годах читал лекции о русском литературном авангарде, рассказывая французским слушателям о русском футуризме²³ так, как будто это было цельное движение, не терзаемое серьезными внутренними разногласиями. Более того, вместе с Сергеем Ромовым Зданевич участвовал в организации приема в честь приезда Маяковского в Париж в 1922 году.²⁴ В 1923 году, одновременно заботясь о популяризации русского литературного авангарда во Франции, Зданевич буквально похоронил заумь в небольшом тексте под названием «Венок на могилу друга», сопровождающем его последнюю заумную «дра» «лидантЮ фАрам» (посвященную памяти Михаила Ледантю): «Эта книга — венок на могилу друга и венок на могилу того, чем мы жили десять лет. <...> Прощай, молодость, заумь, долгий путь акробата, экивоки, холодный ум, все, все, все».²⁵

Тем не менее Святополк-Мирский называет Зданевича «единственным, кто написал крупные произведения на полностью вымышленном языке», имея в виду заумный язык. Строго говоря, на заумном языке как таковом Зданевич после своего формального отречения 1923 года не писал: от «Парижачьих» к «Философии» (оба романа опубликованы лишь после смерти автора) постепенно движутся на убыль характерные черты зауми, все более преобразуясь в абсурдистские особенности сюжета. Поэтому в «Восхищении» заумь воплощена в персонажах, мотивах,²⁶ но никак не в языке, самые «заумные» черты которого — особая, как бы иноязычная интонация²⁷ и отсутствие точек в конце абзацев. Однако генетическая связь «Восхищения» с футуризмом, безусловно, сильна: не лишена оснований попытка интерпретировать роман как метафорическую историю русского авангарда, основанная на сходстве его сюжета с давним замыслом Зданевича поставить фильм об упадке футуризма под названием «История падшего мужчины». В таком случае желтая шерстяная рубаша Лаврентия, который повторяет путь «падшего мужчины» из замысла 1913 года, недвусмысленно намекает на знаменитую кофту фата.²⁸

В 1927 году Зданевич пытался опубликовать «Восхищение» в СССР и для начала отправил текст своему брату Кириллу и Ольге Лешковой, своей давней подруге по петроградскому «Бескровному убийству» и бывшей невесте М. Ледантю. Судя по переписке 1927–1928 годов с Кириллом Зданевичем,²⁹ роман согласился напечатать журнал «Красная новь», однако кризис, настигший советские издательства и журнальные редакции, не позволил этого сделать. В результате издательских интриг «Восхищение» попадает в «Федерацию», где книгу отклонили, упрекая в мистицизме

²³ Gayraud R. L'avant-garde russe racontée aux dadaes // Pleine marge. 2001. № 3. P. 97–102.

²⁴ Ливак Л., Устинов А. Хронология событий. 1920–1926 // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. М., 2014. С. 195–196.

²⁵ Ильязд. Венок на могилу друга / Публ. Р. Гейро // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / Под ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Bern: Peter Lang, 1991. С. 233–235.

²⁶ См.: Йованович М. «Восхищение» Зданевича-Ильязда и поэтика 41° // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. С. 165–207.

²⁷ См.: Юрьев О. Анабазис футуриста // Новый мир. 2015. № 10. С. 175.

²⁸ Йованович М. «Восхищение» Зданевича-Ильязда и поэтика 41°. С. 202; Гейро Р. Комментарии // Зданевич И. М. (Ильязд). Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисловие Р. Гейро; подг. текста и комм. Р. Гейро и С. Кудрявцева; сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М., 2008. С. 724–725.

²⁹ Из архива Ильи Зданевича / Публ. Р. Гейро // Минувшее. Париж, 1988. Вып. 5. С. 140–150.

и безграмотности. В то время, как в доказательство зрелости стиля романа Святополк-Мирский упоминает переводной потенциал романа, советские писатели вменили Зданевичу в вину именно то, что его роман написан как бы на иностранном языке. «Мне писали также, что вещь производит впечатление перевода с иностранного — тем лучше», — отвечал Зданевич критикам из «Федерации» в письме 1928 года.³⁰ Попытки Ольги Лешковой опубликовать роман, очевидно, также не увенчались успехом,³¹ несмотря на то что в числе его потенциальных читателей Лешкова называет Е. И. Замятина, К. И. Чуковского, Н. Н. Шульговского и неизвестного сценариста.³²

Роман «Восхищение» был издан в Париже в 1930 году не только «на собственные средства» автора, но и под его собственной маркой — «41°», тем самым отсылая, во-первых, к одноименному творческому союзу с А. Крученых и И. Терентьевым тифлиского периода; во-вторых, напоминая о давно оставленном проекте Зданевича перенести «41°» в Париж путем создания «Университета 41°», в рамках которого Зданевич читал свои доклады о русском авангарде для французской публики, и, в-третьих, соединяя прошлое автора с его ближайшим будущим. Зданевич в качестве известного издателя *livre d'artiste*³³ сотрудничает с крупнейшими художниками своего времени — Пикассо, Миро, Джакометти, Матиссом, Шагалом, Браком, Леже — снова под грифом «41°».

Позволим себе выразить сомнение в том, что невостребованность книги была обусловлена только лишь полдюжиной непечатных слов. Зданевич всегда славился скандальностью своего поведения — достаточно вспомнить пушкинские торжества 1924 года или заседание Франко-русской студии 1930 года, во время которого за свои резкие высказывания по адресу мэтров русской эмиграции Зданевич был лишен права слова.³⁴ Учитывая это, можно предположить, что коллеги по перу вполне могли быть настроены против него. Ю. Фельзен, например, как раз по поводу упомянутого заседания дал Зданевичу нелестную оценку: «Он — образец литературного неудачника. Пишет без конца под странным псевдонимом „Ильязд“, его никто не печатает и никто не принимает всерьез. Тем не менее он выступает „от имени молодых русских писателей“». ³⁵

Парадоксальным образом, Зданевич, конфликтовавший с Луи Арагоном и Андре Бретоном не в последнюю очередь на почве политических убеждений,³⁶ наряду с Владимиром Познером³⁷ имел в эмигрантских кругах репутацию «большевизана».³⁸ Это, быть может, является дополнительной мотивировкой в интересе Святополк-Мирского к Зданевичу на рубеже 1920–1930-х годов.

³⁰ Там же. С. 149.

³¹ Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу / Предисловие, публ. и прим. М. Марцадури // Русский литературный авангард: Материалы и исследования / Под ред. М. Марцадури, Д. Рипци, М. Евзлина. Тренто, 1990. С. 96–103.

³² Там же. С. 97.

³³ В 1940-е годы Зданевич возобновляет издательскую деятельность после длительного перерыва: последняя изданная перед этим книга — роман «Восхищение» (1930), а предпоследняя — «лиданти Ю фАрам» (1923). Публикуя как свои тексты, так и произведения малоизвестных или вовсе не известных авторов, Зданевич привлекал к оформлению книг художников, с большинством из которых находился в приятельских отношениях.

³⁴ Les débats / Septième Réunion. 29 avril 1930 // Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par L. Livak; sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, 2005. P. 243–244.

³⁵ Фельзен Ю. Парижские встречи русских и французских писателей // Фельзен Ю. Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 199.

³⁶ *Iliazd*. En approchant Eluard / Dossier établi par Régis Gayraud // Carnets de l'Iliazd-Club. 1990. № 1. P. 35–76.

³⁷ В 1929 году Святополк-Мирский в целом сочувственно (хотя и не без оговорок) рецензировал книгу В. Познера «Panorama de la Littérature Russe Contemporaine» (Paris: Edition Kra, 1929): *Святополк-Мирский Д.* Французская книжка о новейшей русской литературе // Евразия. 1929. 13 апр. № 21. С. 6–7. См.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, комм., материалы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М., 2014. С. 208–210.

³⁸ Livak L. Introduction // Le Studio Franco-Russe 1929–1931. P. 34.

Однако разочарованному в современном искусстве Зданевичу была хорошо известна и судьба футуризма в Советском Союзе: в 1924–1926 годах он работал переводчиком в посольстве СССР и потерял работу в связи с новой антифутуристической партийной резолюцией о художественной литературе и последующим прекращением издания «ЛЕФа».³⁹

Кроме отказа признавать творчество Д. С. Мережковского, Б. Н. Зайцева и А. М. Ремизова за *ту самую* русскую литературу,⁴⁰ оснований считать Зданевича «большеви-заном» нет.⁴¹ В том же 1930 году он организовал сбор средств на помощь семье Сергея Ромова, который в 1927 году уехал в СССР и так и не смог вернуться. Переписка Зданевича с братом Кириллом и Ольгой Лешковой также не свидетельствует о больших надеждах, возлагаемых писателем на советскую власть.

При этом слова Святополк-Мирского об изолированности Зданевича от эмигрантской среды нельзя признать до конца справедливыми. Вплоть до 1926 года, несмотря на неудачную попытку создания круга молодых эмигрантских писателей в лице группы «Через», в которой участвовал, помимо прочих, Б. Поплавский, Ильязд продолжал исполнять обязанности секретаря в Союзе русских художников, где устраивал знаменитые монпарнасские балы, организовывал материальную помощь бедствующим художникам и читал лекции.

Обращает на себя внимание тезис Святополк-Мирского о том, что роман Зданевича «представляет определенный интерес для тружеников французской прозы». Святополк-Мирский был хорошо осведомлен о современном ему положении французской литературы и был автором и консультантом французского литературного журнала «Commerce»,⁴² редакция которого, в свою очередь, была тесно связана с «La Nouvelle Revue Française».

Показательна кинематографическая перспектива романа: по словам Святополк-Мирского, книгу можно было бы «превратить в восхитительный киносценарий»; для критика это свидетельство художественного потенциала текста Зданевича.⁴³ Лешкова также отмечала эту особенность текста «Восхищения», возможно, еще и потому, что сам Зданевич, в продолжение своей идеи фильма об истории падения футуризма, просил ее найти возможность экранизации. Позже он обращался с этой просьбой к Роберу Брессону,⁴⁴ но план так и остался неосуществленным.

Отметим, что рецензия Святополк-Мирского в «La Nouvelle Revue Française» была второй из двух печатных откликов на роман Зданевича. Первый появился в эмигрантском журнале «Числа» и принадлежал Б. Поплавскому.⁴⁵ И именно Поплавского

³⁹ Lionel-Marie A. Iliazd, *facettes d'une vie* // Iliazd. Paris: Centre Georges Pompidou, 1978. P. 62.

⁴⁰ См. высказывание Зданевича на упомянутом заседании Франко-русской студии: «Прозвучали имена Мережковского, Зайцева, Ремизова и еще двоих, и спрашивается, почему из всего русского эмигрантского романа выбраны именно эти имена. Потому что это ортодоксы и христиане, вероятно, и лишь поэтому. Я не согласен с г-ном Познером в вопросе, существует ли единственный русский роман или два русских романа. <...> можно называть эту литературу на русском языке как угодно, но не *той самой* русской литературой» (Les débats / Septième Réunion. 29 avril 1930. P. 243; пер. с фр. Л. А. Дмитриевой).

⁴¹ Ср. письмо Зданевича к Ф. Пикабия: *Ливак Л.* «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа. С. 57, а также интервью, данное Р. Коня годом ранее: *Cogniat R.* Un laboratoire de poésie. L'Université du 41° // *Comœdia*. 1921. 4 décembre. № 3276. P. 4.

⁴² См.: Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani / Eds. Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015; *Ефимов М.* La dimensione russa di «Commerce»: il principe D. Svjatopolk-Mirskij e E. Izvol'skaja / *Ефимов М.* Русское измерение «Commerce»: кн. Д. Святополк-Мирский и Е. Извольская // *Enthymema*. 2015. № 13. См.: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/6706> (дата обращения: 31.10.2018).

⁴³ О Святополк-Мирском и кинематографе см.: Советское кино глазами Дмитрия Мирского / Вступ. статья, публ. и прим. Р. М. Янгирова // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–100.

⁴⁴ *Гейро Р.* Комментарии. С. 739.

⁴⁵ *Поплавский Б.* Собр. соч.: В 3 т. М., 2009. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 51–52. Впервые: Числа. 1930. № 2/3. С. 258–259. Надо отметить, что к этому времени Зданевич

в своих «Заметках об эмигрантской литературе» (1929) Святополк-Мирский «с удивлением» приветствовал как «голос настоящего и нового поэта».⁴⁶

Укажем также на факт личного знакомства автора «Восхищения» и его доброжелательного критика. История этого знакомства документирована чрезвычайно скудно. Быть может, одним из связующих звеньев между Святополк-Мирским и Зданевичем была Грузия.⁴⁷ С лета 1916-го и до весны 1918 года (с перерывом на зиму 1916–1917 годов) Святополк-Мирский в качестве кадрового боевого офицера находился на Кавказском фронте. Зданевич же в 1917–1919 годах жил в Тифлисе, а также работал на Кавказском фронте в качестве военного корреспондента для британской прессы. Существует вероятность, что Святополк-Мирский и Зданевич могли познакомиться в этот период.

Есть основания предполагать, что уже в эмиграции Святополк-Мирский мог быть, по крайней мере, наслышан о парижской деятельности Зданевича в 1924 году, в связи со скандалом на упомянутых выше пушкинских торжествах.⁴⁸ В статье 1929 года, посвященной Нико Пиросманишвили,⁴⁹ Святополк-Мирский называет Зданевича человеком, «открывшим» в 1912 году этого художника, а также упоминает статью о нем, написанную Кириллом Зданевичем.⁵⁰

Замечание критика о «способности (Зданевича. — М. Е., Л. Д.) к общему наблюдению, которая могла бы сделать из него первоклассного этнографа или географа», обнаруживает, быть может, знакомство Святополк-Мирского с деталями биографии Зданевича. Тот и в самом деле пробовал себя на подобном поприще. С 1915 по 1917 год Зданевич ездил в экспедиции в различные уголки Грузии и к русско-турецкой границе и живо интересовался актуальными политическими вопросами, древней архитектурой и проблемами местных этнических меньшинств,⁵¹ что нашло отклик как в «Восхищении», так и в более поздних текстах, «Письмах Моргану Филипу Прайсу» и романе «Философия». Впоследствии эти увлечения Зданевича нашли продолжение в пеших походах через Пиренеи, исследованиях храмовой архитектуры и участии в международных конгрессах византистов.⁵²

В библиотеке Школы славистики (School of Slavonic and East European Studies, University College London), где работал Святополк-Мирский, отложился экземпляр «Восхищения» с дарственной надписью критику.⁵³ Скорее всего, именно об этом экземпляре идет речь в письме Святополк-Мирского к П. П. Сувчинскому от 26 сентября

отдалился от эмигрантского сообщества, о чем свидетельствует его краткая переписка с редактором «Чисел» Л. Кельберинем, которая хранится в марсельском архиве Зданевича. Благодарим Франсуа Мерэ за разрешение процитировать письмо Кельберина и ответ Зданевича: «Paris, le 8 octobre 1930. Глубокоуважаемый Илья Михайлович, редакция „Чисел“ предлагает Вам прислать что-нибудь из Ваших произведений (рассказ или отрывок из романа) для помещения в четвертый номер, который выйдет в декабре. Срок присылки — 1 ноября. Не откажите ответить уже сейчас. Примите уверение в нашем искреннем уважении. Лазарь Кельберин»; «8.10.30. Милостивый государь, приглашение Ваше объясняется, вероятно, напечатанным в „Числах“ отзывом о романе Ильязда, где автору почему-то приписано тожество со мною. На деле, смею вас уверить, я ничего общего с писателем Ильяздом не имею, и вот уже десять лет, как перестал предаваться литературе. Примите, во всяком случае, мою признательность, И. М. Зданевич».

⁴⁶ Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия. С. 150.

⁴⁷ Отметим, что в семьях и писателя, и критика были грузины. Мать Зданевича — Валентина Кирилловна, урожд. Гамкрелидзе. Бабушка Святополк-Мирского — княгиня София Яковлевна Святополк-Мирская (1829–1879), урожд. княжна Орбелиани.

⁴⁸ См.: Ефимов М. Как сделан «Pushkin» Мирского: биография классика и авторепрезентация автора // Транснациональное в русской культуре: Сб. статей / Под ред. Т. Хуттунена и Г. Обатнина. М., 2018. С. 290–292 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XV).

⁴⁹ Святополк-Мирский Д. Нико Пиросманишвили // Евразия. 1929. 27 апр. № 23. С. 7.

⁵⁰ Мирский Д. О литературе и искусстве. С. 212.

⁵¹ Lionel-Marie A. Iliazd, facettes d'une vie. P. 49–50.

⁵² Ibid. P. 62–63, 65–68, 75, 83.

⁵³ Благодарим за эти сведения Дж. Смита (Gerald S. Smith, Professor Emeritus of Russian, University of Oxford).

1931 года: «Очень был бы благодарен, если бы ты мог <...> вернуть мне книги — мне особенно нужны Ленин (три тома и XII сборник⁵⁴) и роман Зданевича».⁵⁵

Ниже публикуется рецензия Д. П. Святополк-Мирского по тексту первой публикации (*Mirski D. S. Voskhichtchenie (Ravissement)*, par Iliazd (Paris, 1930) // *La Nouvelle Revue Française*. 1931. Vol. 37. № 219. P. 962–963) в переводе Л. А. Димитриевой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. С. Мирский

«ВОСХИЩЕНИЕ» ИЛЬЯЗДА (ПАРИЖ, 1930)

Ильязд принадлежит к тому замечательному литературному поколению, вождем которого был Маяковский. Это футурист с самого момента зарождения русского футуризма, оригинальным идеям которого он долгое время был верен. Он был единственным, кто написал крупные произведения на полностью вымышленном языке, идентичном русскому в звуковом плане, но состоящем исключительно из слов, которые используются впервые: бескомпромиссный представитель наиболее эзотеричного футуризма, он был замечен лишь в небольшом объединении левого фланга литературы. Проживая в Париже, но никогда не смешиваясь с белой эмиграцией, он оказался в почти полной литературной изоляции. И вот он публикует на собственные средства книгу безусловно заумную — и русские книжные магазины бойкотируют ее, потому что она содержит полдюжины слов, которые принято считать непечатными. В СССР, где литературное движение вот уже несколько лет как отделилось от того, чем дорожило поколение футуристов, книга, само собой, остается неизвестной. А ведь это замечательная книга, которая заслуживает лучшей участи, чем тишина. Действие происходит в безымянной стране, которая, однако, напоминает Грузию или, возможно, одну из балканских стран. Оно разворачивается между деревушкой горцев, поселением у подножья горы, маленьким морским портом и грязной, рабской и продажной столицей, император которой носит прозвище Рукоблудного.⁵⁶

Именно по соположению этих разных миров, исторически столь разных и так близко взаимодействующих, видно, что Ильязд в высшей степени обладает добродетелью, редкой для романиста — умом. Но эта способность к общему наблюдению, которая могла бы сделать из него первоклассного этнографа или географа, соединяется с литературным материализмом, напоминающим такого великого художника материи, каким был Курбе. Она сочетается также с ритмом быстрого и в то же время пространного повествования и с интересом к приключениям, которые могли бы превратить книгу в воспитательный киносценарий. Но что в наибольшей степени составляет для меня ценность этой книги, так это ее стиль. Упадок русской художественной прозы поражает любого, кто занимается сегодняшним советским романом, в особенности при сравнении с чеканным и восхитительно точным языком такого политического писателя, как Сталин. В отличие от этих романистов, Ильязд владеет стилем, устойчивым без излишней ритмичности, богатым без пестроты, нейтральным, но не выхолощенным (а даже совсем наоборот!), мастерским без претензии на «художественность» и живописность. Это нарочито мужественный и тяжеловесный стиль, помимо прочего, достаточно материальный и объективный, чтобы не быть привязанным к языку

⁵⁴ Имеются в виду тома одного из трех собраний сочинений Ленина (1-е изд.: т. I–XX (в 26 кн.), 1924; 2-е изд.: т. I–XXX + справочный том, 1925–1932; 3-е изд.: т. I–XXX + справочный том, 1925–1932), а также: Ленинский сборник. 2-е изд. / Под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М.; Л., 1930. Т. 12.

⁵⁵ *Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 152.*

⁵⁶ У Святополк-Мирского — «Masturbateur». — *Прим. пер.*

оригинала и выдержать испытание переводом. Мне кажется, то, как Ильязд решает стилистическую проблему, представляет определенный интерес для тружеников французской прозы, которая, не будучи под угрозой кризиса, охватившего прозу русскую, разделена между эпигонами «художественного» письма, нарочитыми классицистическими пустяками и интроспективным произволом сюрреалистов и довольно далека от способности охватить материю со всей полнотой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-162-170

© И. А. Назаров

ЛИТЕРАТУРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: ДЕЛО «БИЛЛЕКТРИСТА» ЯКОВА ГАНЗБУРГА

Восприятие художественной литературы не в рамках контекста искусства, а как источника материальных ценностей (заработка, привилегий и т. д.) в 1920–1930-х годах — тема актуальная и многогранная. Обратив внимание на отечественную периодику указанного периода, можно ознакомиться как с упоминанием внушительных гонораров некоторых литераторов, так и с темой писательской бедности. Например, в январе 1926 года Алексей Толстой в интервью «Вечерней Москве» на вопрос об авторском гонораре за пьесу «Заговор императрицы» ответил, что точную сумму указать не может, но уверен, что «за 10 месяцев им получено гораздо больше, чем получал когда-то Л. Андреев в самые урожайные для себя годы — за все свои пьесы, ставившиеся в течение тех же десяти месяцев!»¹ Начинаящие авторы, не скрывавшие своих материальных интересов, в периодике не только становились предметом высмеивания, но виделись как серьезная проблема советской литературы. Так, в журнале «Читатель и писатель» приводилось интервью с пятнадцатилетним поэтом, пришедшим в Москву пешком из Рязани: «Я <...> служил подмастерьем и получал всего 9 р. 20 к. в месяц, а стихотворение в 28 строк написал в один вечер и получил за него 14 рублей. У меня <...> сложилось убеждение, что если я буду писать хотя бы по 12 строчек в сутки, то и это может дать около 500 руб. в месяц».² Количество новоявленных литераторов (точнее — тех, кто утверждал, что является литератором) росло: в статье «Быть писателем» сообщалось, что на вопрос «чем занимаетесь?» шесть тысяч советских граждан ответили «Я писатель!», а еще восемь тысяч человек оказались поэтами.³ Характерным было и то, что часть начинающих авторов не стремилась постигать литературное ремесло, а занималась литературным мошенничеством — явлением незаконным, но способным принести искомые ценности в более короткие сроки.

В периодической печати 1920–1930-х годов термин «литературное мошенничество» использовался для характеристики целого ряда ситуаций: незаконного издания произведений (нарушение авторского права), случаев литературного воровства (публикации под своим именем чужих произведений), использования сторонне привлекаемых авторов (т. н. литературных «рабов» или «негров»), фактов открытого заимствования и плагиата, фальшивых интервью и ряда других случаев. Пресса осуждала литературных воров: В. Ковалева, опубликовавшего под своей фамилией стихи С. Нежинцева («Тоннель») и Монтевилло («Весеннее»), П. Корюкина — за стихотворения «Стройка» (М. Шефер) и «Мускул» (Б. Борецкая) и других лже-писателей. Отметим, что ситуация возможной кражи у настоящего автора его произведений принимала

¹ [Б. п.]. Алексей Толстой о себе, об «Азефе», «Заговоре», своем гонораре и о новых своих работах // Вечерняя Москва. 1926. 13 янв. № 11. С. 3.

² Новокшионов И. О литературных «ходаках» // Читатель и писатель. 1928. № 7–8. С. 7.

³ Миндлин Эм. Быть писателем // Вечерняя Москва. 1926. 20 фев. № 44. С. 3.